

ЛЕКЦИЯ 1. О ПОНЯТИИ «НАЦИОНАЛИЗМ» И ЛОГИКЕ ПРОЦЕССА НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА

— Вы, значит, увлекаетесь и нашей историей? — радостно воскликнул я.

— Конечно, — ответила саламандра. — Особенно белогорским разгромом и трехсотлетним порабощением. Я очень много читал о них в этой книге. Вы, несомненно, чрезвычайно гордитесь своим трехсотлетним порабощением. Это было великое время, сударь.

— Да, тяжелое время, — подтвердил я, — время неволи и горя.

— И вы стонали? — с жадным интересом осведомился наш друг.

— Стонали, невыразимо стонали под ярмом свирепых угнетателей.

Карел Чапек. Война с саламандрами (1936)

Термин «нация», как и целый ряд других терминов нашего юридического и социально-политического языка, пришел в русский, как и во все основные европейские языки, из латыни. На протяжении двух с половиной тысяч лет своего функционирования он сменил целый ряд значений, о чем существует большая и в высшей степени интересная литература*, к которой мы и отошлем —

* См.: (1) Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. Т. 2 / пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. ред. перевода Ю. Арнаутова. — М.: Новое литературное обозрение, 2014; (2) *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. — СПб.: Алетейя, 1998; (3) *Мил-*

позволив себе напомнить лишь основные этапы. В Риме *natio* использовалось для обозначения различных групп пришельцев, в отличие от граждан — в Средние века термин меняет значение и уже у Беда Достопочтенного используется как синоним *gens*, «народов». Средневековые студенческие корпорации также обозначались при помощи термина *natio* — так, в средневековой Сорбонне (1237) насчитывалось четыре «нации»: (1) галльская, (2) норманнская, (3) пикардийская и (4) английская, причем в первую, галльскую, входили студенты, бывшие выходцами и из других романских стран, тогда как «английская нация» включала немцев и выходцев из других северных стран, а также жителей владений английского короля на континенте. «Нации» Сорбонны делились в свою очередь на «провинции». В Болонье примерно в то же время (1250) структура была аналогичной, но терминология различалась: студенты делились на две корпорации по географическому принципу: (1) «цитрамонтанов» и (2) «ультрамонтанов» (как понятно по названию, критерием разграничения были Альпы), каждая из них делилась на три части, а уже эти последние подразделялись на *nationes*, которые обычно по смыслу переводят как «землячества» (*nationes* насчитывалось всего 30, 17 в первой корпорации и 13 во второй)*. По тому же принципу де-

лер А. И. *Нация, или Могущество мифа*. — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016 — и приведенные в них библиографические указания для дальнейшего чтения.

* Отметим попутно, что аналогичное корпоративное устройство можно встретить в университетах Российской империи в начале XIX в. — так, в Дерптском университете существуют корпорации *Curonia*, *Estonia* и *Livonia* (образовавшиеся соответственно в 1808, 1821 и 1822 гг., объединив студентов из Курляндской, Эстляндской и Лифляндской губерний), а в дальнейшем, в 1829 г., возникают корпорации *Polonia* и *Ruthenia* — для выходцев из Царства

лились и участники церковных соборов — а в XIV в. «нациями» в городах Фландрии именовались вновь землячества, на сей раз купцов — выходцев из Венеции, Генуи, немецких городов, обладавших корпоративными правами. В дальнейшем значение продолжало меняться — так, в XVIII в. «нацией» именуется дворянские корпорации — под «польской нацией» (*narod polski*) понимается шляхта, аналогично и в Венгрии (*natio hungarica*). В этом же смысле уже по-русски употребляет термин «нация» Яков Иванович Булгаков, выступая по поводу польских дел в 1792 г. и заявляя, например:

«Знаменитое преимущество избрания Польских Королей, принадлежащее Нации» — т. е. имея в виду дворянское сословие.

Аналогичным образом еще ранее употребляет термин «нация» Денис Иванович Фонвизин в «Рассуждении о непременных государственных законах», написанных в начале 1780-х гг. Во Франции парламенты* рассматривали себя как представители «нации» (*nation*) перед королем — на протяжении XVIII в. понятия «народа» и «нации» сближались и, как отмечает Р. Шартье, «намеча-

Польского и внутренних губерний Российской империи, в Санкт-Петербургском университете в 1837 г. возникнут две корпорации: *Baltica* и *Ruthenia*, просуществовавшие вплоть до закрытия по Высочайшему повелению в 1844 г.

* Судебные учреждения, существовавшие до 1789 г. и несшие обязанность вносить в свои реестры королевские указы, в связи с чем пользовались правом ремонстрации — что было предметом противостояния королей и парламентов, обострившегося с 1750-х и приведшего к временной ликвидации их в 1770 г. путем замены т. н. «парламентами Мопу», по имени министра Людовика XV, проведшего эту реформу. После смерти Людовика XV и восшествия на престол его внука, Людовика XVI, парламенты были восстановлены.

ются контуры новой политической культуры» — так, например, в статье «Народ», написанной Жокуром для «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера, говорится о рабочих и крестьянах как «самой многочисленной и самой необходимой части нации», однако при этом не допускается «и мысли о том, что они могут участвовать в управлении государством» и, что еще важнее, за ними не признается права на мнение — последнее принадлежит обществу (в смысле «образованного», «хорошего общества», уже отделившегося к этому времени от общества придворного).

В этом французском словоупотреблении XVIII в., времен «старого режима», видно, как формируется и зреет новый смысл — который будет отчетливо заявлен в 1789 г., и этот язык, на котором заговорят перед созывом Генеральных штатов, на котором Сийес говорит уже в своей брошюре «Что такое третье сословие?» (отвечая, что сейчас оно является ничем, но должно быть всем), этот язык уже будет понятен всем. Этот новый смысл отчетливо формулируется Сийесом, утверждающим:

«Третье сословие охватывает [...] все, что нужно для нации; а все то, что не есть Третье сословие, считать себя составной частью нации не может». Нация есть «эгалитарное общество граждан», «корпорация компаньонов, живущих по одному общему закону и представляемых одним и тем же национальным собранием».

Нация есть носитель суверенной власти: «Ее воля всегда законна, ибо сама и есть закон. Раньше и ниже нации существует только естественное право» — но в принципе очень схожее уже утверждает французский энциклопедический словарь 1785 г., не договаривая, разумеется, тех выводов, которые отчеканит Сийес:

«Нация есть тело Граждан, народ есть совокупность подданных королевства. [...] Король есть глава нации и отец народа».

«Нация» теперь выступает понятием революционным — означая «народ политический» и в идеале делая всех подданных — гражданами. Именно с этим новым значением понятия мы и будем иметь дело в данной книге — не всеми оно будет приниматься, ему будут придаваться новые значения и смыслы, однако перспектива XIX в. определяется этим новым смыслом — теперь разговор о нации есть разговор политический, вопрос о том, как возможно политическое сообщество, что значит быть гражданином и есть ли необходимость быть им.

* * *

С 1950-х гг., со времен выхода работы Ганса Кона, стало привычным делить национализмы (имея в виду в первую очередь европейские, на примере которых и была создана данная типология) на (1) гражданские и (2) этнические, причем эта типология фактически совпадала с делением по культурным регионам — а именно на национализмы (а) западноевропейские и (б) центрально- и восточноевропейские.

Следует прежде всего отметить, что, несмотря на масштабную критику данной типологии, на данный момент отвергнутой в научном плане, в ней есть рациональное зерно, которое — наряду с идеологической заданностью — обеспечивает регулярное возвращение к ней. Действительно, обращаясь к истории европейских национализмов, достаточно очевидно различие, существующее между западноевропейскими и центрально-

и восточноевропейскими — более того, целый ряд исследований, стремящийся выстроить последовательную и логическую схему развития национальных движений, как правило, обращаются к конкретному региону — и наиболее успешным и известным примером такого рода типологического построения является схема, разработанная на центрально- и восточноевропейском материале Мирославом Хрохом, к изложению и анализу которой мы обратимся позднее (см. гл. 3).

Значимость данного противопоставления проявляется не столько в рамках исторического описания, сколько как нормативного — достаточно напомнить концепцию «конституционного национализма» Юргена Хабермаса. Правда, в отличие от такого рода нормативных подходов, типология Кона предполагает, что в случае с западноевропейскими государствами и обществами мы имеем дело со значительным приближением к нормативному идеалу, в то время как для центрально- и восточноевропейских стран уместным оказывается говорить об историческом и культурном бремени, препятствующем им достигнуть данного состояния.

Согласно данному подходу, гражданский национализм означает принадлежность к своему национальному сообществу, определяемому по критерию гражданства, — образцовой в этом случае выступает французская ситуация, где каждый гражданин Франции, например, по конституции 1791 г., является французом. Таким образом, понятия «национальной принадлежности», «национальности» и «гражданства» совпадают, о чем и свидетельствует, например, визовая анкета — где графа nationality означает вопрос о том, гражданином какого государства вы являетесь. Напротив, центрально- и восточноевропейские национализмы являются «этническими», т. е. вопрос национальной принадлежности — это

не вопрос о гражданстве, а о том, к какой этнической группе вы принадлежите.

В первом случае вы можете выбрать и/или сменить национальность — приняв гражданство другой страны. Во втором если и можно представить себе смену национальности, то это значительно более сложный вопрос, который к тому же мало зависит от вашей воли — для того, чтобы быть немцем, нужно одновременно и значительно больше, и значительно меньше, чем чтобы быть гражданином Федеративной Республики Германия. Логика смены национальной/этнической принадлежности в этом случае описывается в категориях «германизации», «обрусения», «мадьяризации» и т. п., каковые могут быть как добровольными, так и насильственными.

Различие между двумя типами национализмов связывалось с различием исторической ситуации — в первом случае государственная рамка (*stato*) уже существовала, речь шла о том, чтобы на смену подданным (обладателям статусов, прав в смысле привилегий) пришли граждане. Подданные короля Франции до 1789 г. не были равны ни между собой, ни в отношении к королю — речь идет не только о представителях разных сословий, но и разных провинций — были провинции со штатами и без, провинции завоеванные и провинции присоединенные по соглашению, королевство Наварра находилось в унии с Францией, однако уния носила личный, а не реальный характер*. Революция провозгласила, что

* В связи с чем после смерти в 1795 г. принца Людовика, считавшегося монархистами после казни в январе 1793 г. его отца, Людовика XVI, королем Людовиком XVII, стал особенно актуальным вопрос о замужестве его сестры, принцессы Марии-Терезы-Шарлотты, — рассматривавшийся вариант замужества за членом Австрийского дома был принципиально отмечен, поскольку с юридической точки зрения оставался вопрос о наследовании престола Наварры, на которую не распространялся Салический закон и трон

отныне все подданные французского короля являются гражданами — т. е. равными между собой, носителями одних и тех же гражданских прав и обязанностей (с чем связана и отмена титулов, поскольку они в это время рассматривались в еще живой логике политических прав, связанных с обладанием ими, т. е. обладатель титула утверждал свое публично-правовое неравенство с гражданином).

Итак, в случае Франции подданные уже существующего государства превратились в его граждан — «французская нация» в данном случае выступала как носитель политических прав, состоящая из со-граждан, быть гражданином Франции и означало принадлежать к «нации». Но в ситуации восточнее французских границ подобная логика оказывалась бессильна, поскольку никакого подобного политического тела не существовало, — так, в ситуации Германии не было возможности конвертировать подданство государству в гражданство, поскольку самой Германии еще предстояло создать: на смену массе разнородных политических образований, входивших в состав Священной Римской Империи под во многом уже номинальным главенством императора, должно было прийти государство.

Специфика центрально- и восточноевропейской ситуации заключалась в том, что здесь нация должна была образоваться, сделаться зримой — чтобы затем получить возможность обрести полноту своего существования, т. е. образовать собственное государство, границы которого в идеале должны были совпадать с гра-

которой соединился с французским только в 1589 г., после пресечения династии Валуа и перехода короны к Генриху IV Наваррскому — в итоге принцесса была выдана замуж за племянника короля и наследника престола по нисходящей линии, герцога Ангулемского, что минимизировало угрозу отпадения Наварры.